

тем тинг кончился.

В тот самый вечер конунг послал людей к жилью исландцев и велел этим людям узнать, что там говорилось. Они туда отправились. Оттуда раздавался громкий говор. Тут заговорил Кьяртан и обратился к Болли:

– Склонен ли ты, родич, принять веру, которую провозгласил конунг?

– Я не склонен делать это, – отвечал Болли, – так как их вера кажется мне слишком расслабленной.

Кьяртан спросил:

– Не показалось ли вам, что конунг угрожал всем, кто не захочет подчиниться его воле?

Болли отвечал:

– Для нас не оставалось и тени сомнения в том, что конунг угрожал им тяжелым наказанием.

– Ничье насилие не заставит меня подчиниться, – сказал Кьяртан, – до тех пор, пока я стою на ногах и держу в руках оружие. Мне также кажется недостойным мужа, чтобы меня взяли как овцу из стада или как лисицу из западни. Мне кажется, что гораздо лучше, когда человек вынужден умереть, совершив раньше такой поступок, о котором еще долгое время впоследствии будут вспоминать.

Болли спросил:

– Что ты хочешь сделать?

– Об этом я не умолчу, – сказал Кьяртан: – сжечь конунга в его доме.

– Это я не могу назвать поступком, недостойным мужа, – сказал Болли, – но это, как мне кажется, невозможно будет выполнить. На стороне конунга окажется счастье и удача. Кроме того, надежная стража охраняет его и днем и ночью.

Кьяртан сказал, что храбрость неустойчива у большинства людей, даже у самых отважных. Болли ответил, что еще трудно решать, у кого недостает храбрости. Но большинство их спутников вмешалось в этот разговор, утверждая, что это бессмысленные речи. И когда люди конунга услышали эти слова, они вернулись обратно и пересказали конунгу весь разговор.

На следующее утро конунг велел созвать тинг. Туда были приглашены все исландцы. И когда тинг собрался, конунг встал и поблагодарил тех из пришедших, которые хотят стать его друзьями и приняли его веру. Он призвал к себе для беседы исландцев. Конунг спросил, хотят ли они принять крещение. Они изъявили мало склонности к этому. Конунг сказал, что тогда они изберут себе участь, которая им будет менее по душе.

– Однако, – сказал он, – кому из вас казалось, что правильнее всего сжечь меня в моем доме?

Тут Кьяртан ответил:

– Быть может, вы полагаете, что у того человека, который это сказал, не хватит мужества в этом признаться? Здесь вы можете его видеть.

– Видеть тебя я могу, – сказал конунг, – человека, помышляющего не о пустяках. Однако тебе не суждено будет повергнуть меня, и ты заслужил того, чтобы тебе помешали угрожать конунгам сожжением за то, что они учат тебя лучшей вере. Но так как я не знаю, держал ли ты свою речь всерьез, и так как ты сознался, как подобает настоящему мужу, то я не отниму у тебя жизнь за это. Может также случиться, что ты тем крепче будешь держаться новой веры, чем решительнее ты выступишь против нее. Я думаю также, что люди целыми кораблями будут принимать новую веру в тот день, когда ты добровольно позволишь себя окрестить. Мне кажется также вероятным, что ваши родичи и друзья прислушаются к тому, что вы им расскажете, когда вы вернетесь в Исландию. У меня предчувствие, что ты, Кьяртан, когда отчалишь от берегов Норвегии, будешь предан лучшей вере, нежели когда ты приплыл сюда. Отправляйтесь теперь с миром под моей защитой куда хотите с этого тинга. Я не буду силой заставлять вас принять христианство, потому что бог сказал, что он не хочет, чтобы кого-либо силой принуждали идти к нему.

Речь конунга была принята с одобрением, но главным образом христианами. Язычники же предоставили Кьяртану отвечать, как он сам решит. Тогда Кьяртан сказал:

– Благодарю вас, конунг, за то, что вы отпускаете нас с миром, и таким путем ты можешь нас легче уговорить обратиться к новой вере, если простишь нам наши проступки и лишь дружески будешь просить у нас чего желаешь, и как раз в такой день, когда наша судьба в ваших руках. Что до меня, то я предполагаю принять твою веру в Норвегии, так что я не очень-то стану почитать Тора следующей зимой, когда вернусь в Исландию.

Тут конунг сказал и при этом улыбнулся:

– По Кьяртану видно, что он больше надеется на свою силу и на свое оружие, нежели на силу